

Тематические сборники «Переклички вестников»
Сборник № 105. «Смрадный ветер, как свечи, жизни
тушит»

Выпуск № 845

Анна Ахматова

Когда в тоске самоубийства
Народ гостей немецких ждал,
И дух суровый византийства
От русской Церкви отлетал,

Когда приневская столица,
Забыв величие своё,
Как опьянённая блудница,
Не знала, кто берет её,

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край, глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.

Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну чёрный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.

1917

Максимилиан Волошин

На дне преисподней

Памяти А. Блока и Н. Гумилева

С каждым днём всё диче и всё глуше
Мертвенная цепенеет ночь.
Смрадный ветер, как свечи, жизни тушит:
Ни позвать, ни крикнуть, ни помочь.

Тёмен жребий русского поэта:
Неисповедимый рок ведёт
Пушкина под дуло пистолета,
Достоевского на эшафот.

Может быть, такой же жребий выну,
Горькая детоубийца – Русь!
И на дне твоих подвалов сгину,
Иль в кровавой луже поскользнусь,
Но твоей Голгофы не покину,
От твоих могил не отрекусь.

Доконает голод или злоба,
Но судьбы не изберу иной:
Умирать, так умирать с тобой,
И с тобой, как Лазарь, встать из гроба!

1922

Выпуск № 1247

Иван Бунин

России

О, слёз невыплаканных яд!
О, тщетной ненависти пламень!
Блажен, кто раздробит о камень
Твоих, Блудница, новых чад,
Рождённых в лютые мгновенья
Твоих утех – и наших мук!

Блажен тебя разящий лук
Господнего святого мщенья!

1922

Максимилиан Волошин

Мир

С Россией кончено... На последях
Её мы прогалдели, проболтали,
Пролузгали, пропили, проплевали,
Замызгали на грязных площадях,
Распродали на улицах: не надо ль
Кому земли, республик, да свобод,
Гражданских прав? И родину народ
Сам выволок на гноище, как падаль.
О, Господи, разверзни, расточи,
Пошли на нас огонь, язвы и бичи,
Германцев с запада, Монгол с востока,
Отдай нас в рабство вновь и навсегда,
Чтоб искупить смиренно и глубоко
Иудин грех до Страшного Суда!

1917

Анна Ахматова

De profundis...* Моё поколение
Мало мёду вкусило. И вот
Только ветер гудит в отдаленье,
Только память о мёртвых поёт.
Наше было не кончено дело,
Наши были часы сочтены,
До желанного водораздела,
До вершины великой весны,
До неистового цветенья
Оставалось лишь раз вздохнуть...

Две войны, моё поколение,
Освещали твой страшный путь.

1944

* Из бездны (взываю) (*лат.*).

Выпуск № 905

Осип Мандельштам

Не говори никому,
Всё, что ты видел, забудь –
Птицу, старуху, тюрьму
Или ещё что-нибудь.

Или охватит тебя,
Только уста разомкнёшь,
При наступлении дня
Мелкая хвойная дрожь.

Вспомнишь на даче осу,
Детский чернильный пенал
Или чернику в лесу,
Что никогда не собирал.

1930

Владимир Набоков

Расстрел

Бывают ночи: только лягу,
в Россию поплывёт кровать,
и вот ведут меня к оврагу,
ведут к оврагу убивать.

Проснусь, и в темноте, со стула,
где спички и часы лежат,
в глаза, как пристальное дуло,
глядит горящий циферблат.

Закрыв руками грудь и шею, —
вот-вот сейчас пальнёт в меня —
я взгляда отвести не смею
от круга тусклого огня.

Оцепенелого сознания
коснётся тиканье часов,
благополучного изгнания
я снова чувствую покров.

Но сердце, как бы ты хотело,
чтоб это вправду было так:
Россия, звёзды, ночь расстрела
и весь в черёмухе овраг.

1927

Выпуск № 880

Александр Пушкин

Какая ночь! Мороз трескучий,
На небе ни единой тучи;
Как шитый полог, синий свод
Пестреет частыми звездами.
В домах всё тёмно. У ворот
Затворы с тяжкими замками.
Везде покоится народ;
Утих и шум, и крик торговый;
Лишь только лает страж дворовый
Да цепью звонкою гремит.

И вся Москва покойно спит,
Забыв волнение боязни.
А площадь в сумраке ночном
Стоит, полна вчерашней казни.
Мучений свежий след кругом:
Где труп, разрубленный с размаха,
Где столп, где вилы; там котлы,
Остывшей полные смолы;
Здесь опрокинутая плаха;

Торчат железные зубцы,
С костями груды пепла тлеют,
На кольях, скорчась, мертвецы
Оцепенелые чернеют...
Недавно кровь со всех сторон
Струёю тощей снег багрила,
И подымался томный стон,
Но смерть коснулась к ним, как сон,
Свою добычу захватила.
Кто там? Чей конь во весь опор
По грозной площади несётся?
Чей свист, чей громкий разговор
Во мраке ночи раздаётся?
Кто сей? – Кромешник удалой.
Спешит, летит он на свиданье,
В его груди кипит желанье.
Он говорит: "Мой конь лихой,
Мой верный конь! лети стрелой!
Скорей, скорей!.." Но конь ретивый
Вдруг размахнул плетёной гривой
И стал. Во мгле между столпов
На перекладине дубовой
Качался труп. Ездок суровый
Под ним промчаться был готов,
Но борзый конь под плетью бьётся,
Храпит, и фыркает, и рвётся
Назад. "Куда? мой конь лихой!
Чего боишься? Что с тобой?
Не мы ли здесь вчера скакали,
Не мы ли яростно топтали,
Усердной местию горя,
Лихих изменников царя?
Не их ли кровию омыты
Твои булатные копыты!
Теперь ужель их не узнал?
Мой борзый конь, мой конь удалый,
Несись, лети!.." И конь усталый
В столбы под трупом проскакал.

Анна Ахматова

Стансы

Стрелецкая луна. Замоскворечье. Ночь.
Как крестный ход идут часы Страстной недели.
Мне снится страшный сон. Неужто в самом деле
Никто, никто, никто не может мне помочь?

«В Кремле не надо жить», – Преображенец прав.
Здесь зверства древнего ещё кишат микробы:
Бориса дикий страх, всех Иоанов злобы,
И самозванца спесь – взамен народных прав.

1940

Выпуск № 18

Мария Петровых

Вот так и живём,
Любимейших схоронили
И в горьком бессилье
Дрожим друг над другом,
Незримым очерчены кругом.
Проснусь, оглянусь –
Живые? Ну, слава Богу!
Господь, озари их дорогу,
Продли их бесценный век,
Как длишь ты течение великих рек
И ручьи устремляешь к ним отовсюду.
Боже, прости мой презренный грех,
Немощь мою и робость,
И то, что глянула в пропасть,
Увидела ад крошечный,
Услышала плач безутешный
И не сказала ни слова,
Удалилась от злого,
И рот мой намертво сжат,
И ноги мои дрожат...
Боже, прости мне грешной!

Арсений Тарковский

Тянет железом, картофельной гнилью,
Лагерной пылью и солью камсы.
Где твое имечко, где твои крылья,
Вий над Россией топорщит усы.

Кто ты теперь? Ни креста, ни помина,
Хлюпает плот на глубокой реке,
Чёрное небо и мятая глина
Непропечённой лепешки в руке.

Он говорит: подымите мне веки! –
Слободы метит железным перстом,
Ржавую землю и ольхи-калеки
Метит и морит великим постом.

Он говорит: подымите мне веки! –
Как не поднять, пропадёшь ни за грош.
Дырбала-арбала, дырбала-арбала,
Что он бормочет, ещё не поймёшь.

Заживо вяжет узлом сухожилия,
Режется в карты с таёжной цингой,
Стужей проносится по чернобылью,
Свалит в овраг, и прощай, дорогой.

1946–1956

Марина Цветаева

Слёзы – на лисе моей облезлой!
Глыбой – чересплечные ремни!
Громче паровозного железа,
Громче левогрудой стукотни –

Дребезг подымается над щебнем,
Скрежетом по рощам, по лесам.
Точно кто вгрызающимся гребнем
Разом – по семи моим сердцам!

Родины моей широкоскулой
Матерный, бурлацкий перегар,

Или же – вдоль насыпи сутулой
Шёпоты и топоты татар.

Или мужичонка, на круг должный,
За косу красу – да о косяк?
(Может, людоедица с Поволжья
Склабом – о ребяческий костяк?)

Аль Степан всплясал, Руси кормилец?
Или же за кровь мою, за труд –
Сорок звонарей моих взбесились –
И болярыню свою поют...

Сокол-перерезанные пути!
Шибче от кровавой колеи!
– То над родиной моею лютой
Исстрадавшиеся соловьи.

1922

Выпуск № 959

Варлам Шаламов

Память скрыла столько зла –
Без числа и меры.
Всю-то жизнь лгала, лгала,
Нет ей больше веры.

Может, нет ни городов,
Ни садов зелёных,
А жива лишь сила льдов
Да морей солёных.

Может, мир – одни снега, –
Звёздная дорога.
Может мир – одна тайга
В пониманье Бога.

Анна Ахматова

Зачем вы отравили воду
И с грязью мой смешали хлеб?
Зачем последнюю свободу
Вы превращаете в вертеп?
За то, что я не издевалась
Над горькой гибелью друзей?
За то, что я верна осталась
Печальной родине моей?
Пусть так. Без палача и плахи
Поэту на земле не быть.
Нам покаянные рубахи,
Нам со свечой идти и выть.

1935

Бахыт Кенжеев

– Эй, каменщик в фартуке! Что ты
возводишь?
– Вали-ка, дурак,
я занят серьёзной работой,
секретною, бесповоротной,
не для либеральных зевак.

Но с прежней писательской страстью
канючит властитель сердец.
Он ищет вселенского счастья,
гуманный, взыскательный мастер,
общественных нравов боец.

Не лучше ль ему отравиться,
когда, взбеленившись, плебей
вонзает вязальную спицу
в глаза очевидцу, провидцу
и, если прикажут «убей», –

убьёт. И солжет, не скрывая
бесстыжего взгляда. Но бард
настаивает, прозревая,
что жертвенность есть роковая
в раскладе божественных карт.

И вот – замирает у гроба
российской словесности. Ах,
ужель эта злая особа –
былая красотка, зазноба
в легчайших атласных туфлях?

А каменщик в кепке неброской,
творец государственных мест,
смывает с ладоней извёстку
и, выпоров сына-подростка,
говядину жесткую ест.

Выпуск № 1143

Лариса Миллер

То облава, то потрава.
Выжил только третий справа.
Фотография стара.
А на ней юнцов орава.
Довоенная пора.
Что ни имя, что ни дата –
Тень войны и каземата,
Каземата и войны.
Время тяжко виновато,
Что карало без вины,
Приговаривая к нетям.
Хорошо быть справа третьим,
Пережившим этот бред.
Но и он так смят столетьем,
Что живого места нет.

1985

Мария Петровых

Есть очень много страшного на свете,
Хотя бы сумасшедшие дома,
Хотя бы искалеченные дети,
Иль в города забредшая чума,

Иль деревень пустые закрома,
Но ужасы ты затмеваешь эти –
Проклятье родины моей – тюрьма.

О, как её росли и крепили стены –
В саду времен чудовищный побег,
Какие жертвы призраку измены
Ты приносить решался, человек!..
И нет стекла, чтобы разрезать вены,
Ни бритвы, ни надежды на побег,
Ни веры – для того, кто верит слепо,
Упорствуя судьбе наперекор,
Кто счастлив тем, что за стенами склепа
Родной степной колышется простор,
Скупой водой, сухою коркой хлеба
Он счастлив – не убийца и не вор,
Он верит ласточкам, перечеркнувшим небо,
Оправдывая ложный приговор.

Конечно, страшны вопли дикой боли
Из окон госпиталя – день и ночь.
Конечно, страшны мертвецы на поле,
Их с поля битвы не уносят прочь.
Но ты страшней, безвинная неволя,
Тебя, как смерть, нет силы превозмочь.
А нас ещё ведь спросят – как могли вы
Терпеть такое, как молчать могли?
Как смели немоты удел счастливый
Заранее похитить у земли?..
И даже в смерти нам откажут дети,
И нам ещё придётся быть в ответе.

1938-1942

Выпуск № 1040

Юлий Даниэль

Дом

В окно я глянул и увидел дом.
Обычный дом – немислимое чудо:
Он был семи- или восьмиэтажный,

И в первом этаже был магазин,
А выше были окна без решёток,
И каждое окно освещено
Своим особым светом, непохожим
На свет соседних. Это оттого,
Что там на окнах были занавески
И были шторы – словом, было то,
Чем люди отгораживаться вправе
От посторонних взглядов. Я, однако,
Сумел глазами памяти увидеть,
Узнать лицо потерянного рая:
Там были стулья и цветы на окнах,
Когда-то презиравшиеся мною
Цветы в горшках, зелёные божки,
С которых пыль стирают по субботам;
Там лампы в потолки не уходили,
Не прятались за мутным плексигласом,
А рдели в кринолинах абажуров,
Собой венчали шаткие торшеры,
Со стен свисали... Там на книжных полках
Лежали неожиданные вещи:
Шнурки от туфель, бильярдный шарик,
Чулок с иглой в штопке, позабытый
Из-за гостей, нагрывавших врасплох;
Еще рецепт – его уже с неделю
Никто никак не может отыскать...
Там были скатерти, на них ножи и вилки –
Орава режущих и колющих предметов...
Там, в этом доме, было много женщин –
Не медсестёр и не стенографисток,
А просто женщин. В платицах домашних
Они, сколовши волосы небрежно
И рукава по локоть засучив,
Купали в новых ванночках младенцев,
Со лба к затылку отгоняя воду,
Чтоб мыльной пене в глазки не попасть;
И отблеск розовых мелькающих локтей
Ложился сполохом на сердце, обещая
Округлое и тёплое свершеньё
Потом, когда погаснет в доме свет...
Да, я забыл сказать, что по фасаду
На доме было множество балконов,
Где стыли на ветру велосипеды
И в сети гамаков шли косяками
Прворные снежинки... Дом трещал –

Его неудержимо распирало,
Давило изнутри избытком жизни!
В нём жило всё – от шпильки головной,
От кошки и собаки до нескладных
Подростков с неуклюжими руками,
Украдкой сочиняющих стихи.
И алые частицы этой жизни
Сквозь кладку стен, как запах, проходили,
Летели сквозь зашторенные окна
Ко мне, ко мне, к откинутой фрамуге
Окна, перед которым я стоял,
На стол взобравшись. Целых полминуты
Я прикасался к человеческой жизни.
Потом я спрыгнул на пол. Вот и всё.

...Я знаю, что неловки эти строки,
Что мой товарищ глянет неподкупно,
Серьёзно покачает головой
И скажет мне: «А что как это проза,
Да и плохая?» – «Да, – скажу я, – да!
Плохая проза. Хуже не бывает...»

Даниил Андреев

Медленно зреют образы в сердце,
Их колыбель тиха,
Но неизбежен час самодержца –
Властвующего стиха.

В камеру, как полновластный хозяин,
Вступит он, а за ним
Ветер надзвёздных пространств и тайн
Вторгнется, как херувим.

Страх, суету, недоверие, горе,
Всё разметав дотла,
Мчат над городами и морем
Крылья стиха – орла.

Жгучий, как бич, и лёгкий, как танец,
Ясный, как царь к венцу,

Скоро он – власть имеющий – станет
С миром лицом к лицу.

Жду тебя, светоча и денницу,
Мощного, как судьба,
Жду, обесчещен позором темницы,
Мечен клеймом раба.

Выпуск № 1237

Николай Заболоцкий

Где-то в поле возле Магадана,
Посреди опасностей и бед,
В испареньях мёрзлого тумана
Шли они за розвальнями вслед.
От солдат, от их луженых глоток,
От бандитов шайки воровской
Здесь спасали только околодок
Да наряды в город за мукой.
Вот они и шли в своих бушлатах –
Два несчастных русских старика,
Вспоминая о родимых хатах
И томясь о них издалека.
Вся душа у них перегорела
Вдалеке от близких и родных,
И усталость, сгорбившая тело,
В эту ночь снедала души их,
Жизнь над ними в образах природы
Чередую двигалась своей.
Только звёзды, символы свободы,
Не смотрели больше на людей.
Дивная мистерия вселенной
Шла в театре северных светил,
Но огонь её проникновенный
До людей уже не доходил.
Вкруг людей посвистывала вьюга,
Заметая мёрзлые пеньки.
И на них, не глядя друг на друга,
Замерзая, сели старики.
Стали кони, кончилась работа,
Смертные доделались дела...
Обняла их сладкая дремота,

В дальний край, рыдая, повела.
Не нагонит больше их охрана,
Не настигнет лагерный конвой,
Лишь одни созвездья Магадана
Засверкают, став над головой.

1956

Юлий Даниэль

У вахты

Мы идём мимо плачущих женщин,
Мы идём, мы шагаем в молчаньи,
Мы не смеем сказать им ни слова,
Мы не можем махнуть им рукой,
Мы идём, а у них за плечами –
Рюкзаки с табаком и харчами,
Рюкзаки с нерастраченной страстью,
Рюкзаки с многолетней тоской.

Ох и тяжело, наверно, им было
По грошу собирать на билеты,
По куску собирать передачи
Для своих непутёвых солдат.
И, как слёзы, роняя монеты,
Прикупать, прикупать сигареты,
И везти, и нести наудачу,
И услышать: «Везите назад!»

И привыкшие тут по-дикарски
О любви толковать обнаженно,
Мы проходим смиренно и тихо
Без подначки и без матерка,
Потому что мы тут не пижоны,
Потому что усталые жены –
Не дешёвки, не шлюхи, не бабы,
А названные сёстры зека.

Мы идём, простаки и поэты,
Променявшие волю и семьи,
Променявшие женские ласки
На слова, на мечты и на сны;

Только что же нам делать, что все мы
На крови создаем поэмы?
Уж такие мужья вам достались –
Вы простить нас, наверно, должны...

Выпуск № 538

Варлам Шаламов

Пещерной пылью, синей плесенью
Мои испачканы стихи.
Они рождались в дни воскресные –
Немногословны и тихи.

Они, как звери, быстро выросли,
Крещенским снегом крещены
В морозной тьме, в болотной сырости.
И всё же выжили они.

Они не хвастаются предками,
Им до потомков дела нет.
Они своей гранитной клеткою
Довольны будут много лет.

Теперь, пробуженные птицами
Не соловьиных голосов,
Кричат про то, что вечно снится им
В уюте камня и лесов.

Меня простит за аналогии
Любой, кто знает жизнь мою,
Почерпнутые в зоологии
И у рассудка на краю.

Юлий Даниэль

Последнее

Этот год уйдёт с пустой котомкой,
У ворот помашет мне рукой,
Пеленой возьмётся, гладью тонкой
Надоевший, скучный непокой.

Будет жизнь всю великолепна,
Только вдруг, в какой-то странный миг,
Замолчу, оглохну и ослепну,
Отрешусь от спутников моих;

Солнце помрачённое остынет,
Бред ворвётся, вломится в окно,
Добрая беседа опостылет,
Напрочь разонравится вино;

Не с хандры пустой, не с перепою
Загорю о своей судьбе,
Нежное услышу: «Что с тобою?»
Вовсе не услышу: «Что в тебе?»

А во мне уже необратимо
Два железа ржавых с двух сторон,
Пыльная сухая паутина,
Чёрствый карк невидимых ворон,

Сны – ох, эти сны! – как будто на смех,
Слабый ветер, в горле горький ком,
В серый цемент вляпанная насмерть
Койка с полумёртвым тюфяком

И необычайный, непривычный,
Вспомненный, приманный, как блесна,
Желтый, жаркий, обручный, яичный,
Вольный, вольный, вольный цвет окна...

Что же мне – надеждой сердце нежить,
Что душе не век, мол, быть рабой,
Что исчезнут небыль, нежил, нежить
И что боль пройдёт сама собой?

Призрак мой с запавшими щеками,
Плач немой по прелести земной.
...Тонкий лёд, неверный под шагами,
Над ночной бездонной глубиной.

Выпуск № 1095

Анна Ахматова

Памяти Бориса Пильняка

Всё это разгадаешь ты один...
Когда бессонный мрак вокруг клокочет,
Тот солнечный, тот ландышевый клин
Врывается во тьму декабрьской ночи.
И по тропинке я к тебе иду.
И ты смеёшься беззаботным смехом.
Но хвойный лес и камыши в пруду
Ответствуют каким-то странным эхом...
А, если этим мёртвого бужу,
Прости меня, я не могу иначе:
Я о тебе, как о своём, тужу
И каждому завидую, кто плачет,
Кто может плакать в этот страшный час
О тех, кто там лежит на дне оврага...
Но выкипела, не дойдя до глаз,
Глаза мои не освежила влага.

1938

Ирина Ратушинская

И за крик из колодца «мама!»
И за сшибленный с храма крест,
И за ложь твою «телеграмма»,
Когда с ордером на арест, –
Буду сниться тебе, Россия!
В окаянстве твоих побед,
В маяте твоего бессилья,
В похвальбе твоей и гульбе.
В тошноте твоего похмелья –
Отчего прошибёт испуг?
Всё отплакали, всех отпели –
От кого ж отшатнёшься вдруг?
Отопрись, открутись обманом,
На убитых свали вину –

Всё равно приду и предстану,
И в глаза твои загляну!

1984

Выпуск № 1365

Осип Мандельштам

Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма,
За смолу кругового терпенья, за совестный деготь труда.
Как вода в новгородских колодцах должна быть черна и сладима,
Чтобы в ней к Рождеству отразилась семью плавниками звезда.

И за это, отец мой, мой друг и помощник мой грубый,
Я – непризнанный брат, отщепенец в народной семье, –
Обещаю построить такие дремучие срубы,
Чтобы в них татарва опускала князей на бадье.

Лишь бы только любили меня эти мёрзлые плахи –
Как прицелясь на смерть городки зашибают в саду, –
Я за это всю жизнь прохожу хоть в железной рубахе
И для казни петровской в лесах топориче найду.

1931

Даниил Андреев

Гипер-пэон

О триумфах, иллюминациях, гекатомбах,
Об овациях всенародному палачу,
О погибших
 и погибающих
 в катакомбах
Нержавеющий
 и незыблемый
 стих ищу.

Не подскажут мне закатившиеся эпохи
Злу всемирному соответствующий размер,

Не помогут –
 во всеохватывающем
 вздохе
Ритмом выразить,
 величайшую
 из химер.

Её поступью оглушённому, что мне томный
Тенор ямба с его усадебною тоской?
Я работаю,
 чтоб улавливали
 потомки
Шаг огромнее
 и могущественнее,
 чем людской.

Чтобы в грузных, нечеловеческих интервалах
Была тяжесть, как во внутренностях Земли,
Ход чудовищ,
 необъяснимых
 и небывалых,
Из-под магмы
 приподнимающихся
 вдали.

За расчерченную, исследованную сферой,
За последнею спондеической крутизной,
Сверх-тяжелые,
 транс-урановые
 размеры
В мраке медленно
 поднимаются
 предо мной.

Опрокидывающий правила, как плутоний,
Зримый будущим поколениям, как пантеон.
Встань же, грубый,
 неотшлифованный,
 многотонный,
Ступенями
 нагромождаемый
 сверх-пэон!

Не расплавятся твои сумрачные устои,
Не прольются перед кумирами, как елей!

Наши судороги
под расплющивающей
пятою,

Наши пытки
и наши казни
запечатлей!

И свидетельство
о склонившемся
к нашим мукам
Уицраоре, угашающем все огни,
Ты преемникам –
нашим детям –
и нашим внукам –
Как чугунная
усыпальница,
сохрани.

1951

Выпуск № 1133

Иван Бунин

Вход в Иерусалим

«Осанна! Осанна! Гряди
Во имя господне!»
И с яростным хрипом в груди,
С огнём преисподней
В сверкающих гнойных глазах,
Вздувая все жилы на шее,
Вопя всё грознее,
Калека кидается в прах
На колени,
Пробившись сквозь шумный народ,
Ощеривши рот,
Щербатый и в пене,
И руки раскинув с мольбой –
О мщенье, о мщенье,
О пире кровавом для всех обойдённых судьбой –
И ты, всеблагой,
Свете тихий вечерний,

Ты грядешь посреди обманувшейся черни,
Преклоняя свой горестный взор,
Ты вступаешь на кротком осляти
В роковые врата – на позор,
На пропятье!

1922

Ирина Ратушинская

Их пророки обратятся в ветер,
В пепел обратятся их поэты,
Им не будет ни дневного света,
Ни воды, и не наступит лето.
О, конечно, это справедливо:

Как земля их носит, окаянных!
Грянут в толпы огненные ливни,
Города обуглятся краями...
Что поделать – сами виноваты!
Но сложу я договор с судьбою,
Чтобы быть мне здесь
И в день расплаты
Хоть кого-то заслонить собою.

1984

Выпуск № 121

Арсений Тарковский

Мы крепко связаны разладом,
Столетия нас не развели.
Я волхв, ты волк, мы где-то рядом
В текучем словаре земли.

Держась бок о бок, как слепые,
Руководимые судьбой,
В бессмертном словаре России
Мы оба смертники с тобой.

У русской песни есть обычай
По капле брать у крови в долг
И стать твоей ночной добычей.
На то и волхв, на то и волк.

Снег, как на бойне, пахнет сладко,
И ни звезды над степью нет.
Да и тебе, старик, свинчаткой
Ещё перешибут хребет.

1960

Лариса Патракова

*Стихи, написанные мною
за десять лет до моего рождения*

Мой, сам себя насытивший народ,
Взалкавший лучших и распнувший сильных,
От собственных доносов обессилев,
Бичом погнал историю вперёд.

Разъятый страхом, ослеплённый род,
Он сам себя развеял горстью пепла,
И даже солнце истины ослепло
Над книгами, где всё наоборот.

Боюсь его. Но я уже в пути –
Я – плоть от плоти этого дракона...
Достанет сил оплакать и простить?
Быть дочерью ему, но непокорной?

Январь 1940 г.